

DOI 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-195-213

УДК 314.148

А. Р. Хамидуллин

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0009-0005-4480-8284
E-mail: a.r.khamidullin@yandex.ru

Субрегиональная идентичность коми-ижемцев как аспект этнодемографических процессов

АННОТАЦИЯ. В статье проведен анализ количественной динамики коми-ижемцев в контексте пространственной дифференциации их локальных сообществ. Возникновению территориально разрозненных сообществ сопутствовали исторические особенности расселения коми-ижемцев как этнографической группы. Региональные различия отразились на неравномерности демографических процессов и, кроме того, оказали влияние на восприятие ижемской идентичности. На этом основании автором осуществлена классификация локальных групп по территориальному принципу. Отмечается, что категория «коми-ижемец» как единица статистического учета представителей соответствующей этнографической группы не является релевантной, но лишь отражает тенденции в изменении самосознания группы. Поэтому коми-ижемцами выделена общность, для которой наиболее актуально обозначение ижемской идентичности, а масштаб общности — результат актуализации и поддержания этой идентичности. Вариативность восприятия ижемской идентичности как категории этнокультурного или географического свойства сказывается на практике самоопределения коми-ижемцев. Констатируется, что сокращение численности группы сопряжено с кризисом ижемской идентичности. Снижение того влияния, которое оказывал этнокультурный фактор на позиционирование коми-ижемцев, с одной стороны, ведет к усилению на местном уровне общезтнической идентичности коми, с другой — увеличивает значимость территориальности в самосознании коми-ижемцев. Переосмысление ижемской идентичности в пространственном аспекте можно рассматривать как предпосылку к консолидации локальных сообществ на ином, более высоком уровне территориальной иерархии. С целью дальнейшего прогнозирования этих процессов в аналитический инструментарий к обозначенной проблематике автором введено понятие «субрегиональная идентичность» и осуществлена его первичная концептуализация.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :

коми, коми-ижемцы, изьватас, перепись населения, этничность, территориальная идентичность, субрегиональная идентичность

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Хамидуллин А. Р.

Субрегиональная идентичность коми-ижемцев как аспект этнодемографических процессов. *Этнография*. 2024. 2 (24): 195–213. doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-195-213

A. Khamidullin

The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0005-4480-8284
E-mail: a.r.khamidullin@yandex.ru

The Subregional Identity of the Izhma Komi as an Aspect of its Ethnodemographic Dynamics

ABSTRACT. The author undertakes a comprehensive analysis of the Izhma Komi population dynamics in the context of spatial differentiation among local communities. This differentiation results from the historical resettlement of the Izhma Komi as an ethnographic group. The regional differences have had an impact on the heterogeneity of demographic processes and the perception of the identity among the Izhma Komi. As a result, the local communities have been classified based on territorial principles. However, the use of the term “the Izhma Komi” for this ethnographic group is not entirely relevant, as it merely reflects trends in changes of the group’s identity. Therefore, the author refers to the Izhma Komi as a community for which the Izhma identity is most topical. The size of this community is a result of the actualization and support of this identity. The variability of this community, whether based on ethnicity or geography, has a significant impact on the practice of self-identification among the Izhma Komi. The decline in population can be attributed to an identity crisis among the Izhma Komi. This crisis has led to a decrease in the importance of ethnic uniqueness and an increase in the importance of the spatial factor in the elements of Izhma identity. In order to predict these processes, the author introduces the concept of “subregional identity” and provides a preliminary conceptualization of this term. This concept could be instrumental in consolidating the Izhma Komi local communities on a higher level of the territorial hierarchy.

KEY WORDS: Komi, Izhma Komi, Izvatas, population census, ethnicity, territorial identity, subregional identity

FOR CITATION: Khamidullin A.
The Subregional Identity of the Izhma Komi
as an Aspect of its Ethnodemographic Dynamics.
Etnografia. 2024. 2 (24): 195–213. (In Russian).
doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-195-213

ВВЕДЕНИЕ

Регионализация российского пространства в начале 1990-х гг. нередко сопровождалась влиянием этнонационального дискурса. В частности, это было характерно для Республики Коми, где с 1980-х гг. происходил подъем национального самосознания среди представителей коми. При этом со стороны одной из групп коми — коми-ижмцев — был обозначен запрос на политико-экономическую и культурную субъектность. Этот запрос получил отражение в итогах первой постсоветской переписи населения (2002 г.), когда самоопределение коми-ижмцев приняло форму политического заявления. Ключевую роль тогда сыграла ижемская идентичность, актуализация которой имела как исторические предпосылки, так и вполне прагматические цели.

Однако стремительное снижение численности коми-ижмцев, по данным двух последующих переписей (2010 и 2021 гг.), может свидетельствовать о деактуализации ижемской идентичности — по крайней мере, в части этнического обособления. Ряд исследователей характеризуют колебания предпочтений среди коми-ижмцев как процесс *реидентификации* (Теребихин, Шабаев 2012) либо как *качели идентичности* (Ким и др. 2015). На наш взгляд, дать объяснение этой количественной динамике можно в совокупном анализе феномена ижемской идентичности и детерминирующих факторов в пространственном аспекте.

В нашем исследовании не оспаривается культурная самобытность ижемцев, но в ответ на преобладающее число толкований ижемской идентичности с этнографических и культурологических позиций предлагается подход к данному феномену как к территориально обусловленному факту. Это не означает, что негеографические аспекты идентичности будут проигнорированы — наоборот, полноценный анализ данного сложного концепта возможен только с учетом его многомерной специфики.

Целью нашего исследования является анализ количественной динамики коми-ижмцев в контексте пространственной дифференциации их локальных сообществ в постсоветский период. Важно подчеркнуть, что категория *коми-ижмец* как единица статистического учета представителей соответствующей этнографической группы не является в полной мере релевантной, но лишь отражает тенденции в изменении самосознания группы. Поэтому в рамках данной работы объект исследования — коми-ижмцы как сообщество, которое посредством этого термина идентифицирует себя независимо от этнокультурных особенностей и для которого наиболее актуально обозначение ижемской идентичности.

В работе нами применены статистический, сравнительно-географический и аналитико-синтетический методы. Информационной базой исследования послужили материалы всероссийских переписей населения (2002, 2010, 2020 гг.), сведения о национальном составе Коми АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., основные показатели естественного и миграционного движения по Республике Коми.

ИЖЕМСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Коми-ижемцы или ижемцы (коми: *изъватас*) выделяются учеными как этнографическая группа в составе народа коми (коми-зырян). Само название отражает географическую специфику формирования общности, которое проходило в XVI–XVIII вв. на берегах реки Ижмы (коми: *Изъва*). В этот период этнокультурные процессы были локализованы в пределах Ижемской слободы, ныне известной как село Ижма, и характеризовались смешением этносов, представленных в слободе: коми, русских и ненцев. Постоянное межэтническое взаимодействие привело к становлению сообщества, обладающего самобытными чертами как в материальной культуре (традиционная одежда, промысловый инвентарь, типы жилищ), так и в нематериальной (ижемский диалект коми языка). Торгово-промысловый интерес являлся ключевым фактором, способствовавшим притоку поселенцев, поэтому на начальном этапе ижемцы формировались «как земляческая группировка, обладавшая если не этническим, то территориально-хозяйственным единством» (Лашук 1972: 147).

С XVIII в. начинается расселение коми-ижемцев за пределы слободы. Освоение новых земель, обусловленное актуальными на тот период экономическими факторами (Жеребцов 2007: 5), сопровождалось возникновением поселений вдоль русла реки Печоры и ее притоков (рек Ижмы, Усы, Кожвы), на территориях Большеземельской и Малоземельской тундр, а с XIX в. — на Кольском полуострове и за Уралом — на побережье реки Обь. Несмотря на расхожесть этнонима *коми* (*зыряне*), среди ижемцев к тому времени преобладало территориальное самосознание (Чувьюров 2020: 32).

В 1921 г. с образованием Автономной области Коми (Зырян) началась политическая история Коми как отдельного края. Формирование государственных институтов в национально-территориальной автономии шло в русле политики коренизации, которой сопутствовал процесс нормирования коми языка: за основу литературного стандарта был взят присыктывкарский диалект. Попытка привести территориальные группы коми к языковому единству встретила со стороны ижемцев сопротивление — вплоть до сожжения учебников на коми языке (Шабаев и др. 2010: 137).

Изменение в регионе этнодемографической ситуации, которое сопровождалось снижением доли коми населения; сворачивание политики коренизации, символической иллюстрацией чего можно считать определение русского языка в Конституции Коми АССР 1937 г. как единственного государственного, — все это способствовало потере части политического и культурного влияния в развитии нормативного языка коми. Вероятно, совокупность этих обстоятельств, с одной стороны, и сильная внутригрупповая солидарность ижемцев — с другой, позволили носителям ижемского диалекта сберечь свои языковые традиции перед наступающей унификацией.

Тем не менее уже к 1980-м гг. среди ижемцев в Коми АССР преобладало общэтническое самосознание (Теребихин, Шабаетов 2012: 36), тогда как ижемская идентичность по-прежнему была свойственна группам коми-ижемцев, проживавшим за пределами этого региона, в стороне от процесса консолидации народа коми.

В 1989 г. на фоне активизации этнонационального дискурса в Коми АССР было создано общественное движение коми народа «Коми котыр» (в настоящее время — «Коми войтыр»). Параллельно со становлением единого национального движения актуализация местной идентичности коснулась и территориальных групп, свидетельствуя, что «процесс консолидации коми-зырян в единый этнос не был завершен окончательно» (Чувьуров 2020: 37).

В 1990 г. была учреждена ассоциация, действующая сегодня как Межрегиональное общественное движение (МОД) коми-ижемцев «Изьватас». В преддверии Всероссийской переписи населения 2002 г. МОД «Изьватас» поддержало инициативу активистов из села Ловозеро (Мурманская область) указывать в ходе переписи свою национальную принадлежность как *коми-ижемцы* или *изьватас* вместо общего этнонима *коми*, а в 2003 г. на съезде движения было принято решение «добиваться для этнической группы коми-ижемцев (изьватас) статуса коренного малочисленного народа, признания этого статуса на уровне Российской Федерации» (Устав... «Изьватас» 2014).

Против этого решения выступило руководство «Коми войтыр», усмотрев в нем стремление ижемцев к обретению экономических и социальных преференций. Имели место и опасения этнического раскола в национальном движении коми, к чему со всей серьезностью отнеслись власти республики, выразив поддержку «Коми войтыр».

Экономические мотивы в числе обоснований для желаемого статуса изначально не скрывались. Особенность хозяйственного уклада коми-ижемцев — традиции оленеводства. Однако занятие этим видом деятельности осложнялось неравными условиями, в которых оказались ижемцы по сравнению со своими соседями — северными этносами, также занятыми оленеводством и уже обладающими статусом коренного

малочисленного народа Севера (КМНС). Сопутствующие этому статусу налоговые льготы и права землепользования дают их обладателям преимущество в пределах общей территории, и потому стремление ижемских оленеводов добиться тех же условий, что и у соседей, было вполне оправданным.

То обстоятельство, что этот статус получить не удалось, отчасти стало причиной того, что достигнутый движением «Изьватас» мобилизационный эффект среди населения стал сходиться на нет. Однако это не означало потери политического потенциала: скорее произошло смещение фокуса активистов на другие темы. И одной из таких тем стала местная экология.

Эксплуатацию природных недр нефтедобывающими компаниями в Ижемском районе далеко не всегда можно назвать ответственной. Очевидный урон окружающей среде побудил МОД «Изьватас» консолидировать деятельность с экологической общественной организацией «Комитет спасения Печоры» — в оппозицию компаниям и местной власти. В итоге властям приходилось вести работу в обход МОД «Изьватас» с опорой на МОД «Коми войтыр», из-за чего за этим движением у ижемцев закрепилась репутация лоялистской организации, а за МОД «Изьватас» — оппозиционной (Ким и др. 2015: 90).

Очередная постановка антитезы «мы — они» в разных коннотациях и прежде способствовала актуализации ижемской идентичности не просто как осознания своей самобытности, но как инструмента гражданской мобилизации, способного эту самобытность защитить. И поскольку суть идентичности неотделима от трактовки термина *коми-ижемец*, важно отметить различия, свойственные его восприятию.

Данный термин (наряду с *ижемец*, *изватас*, *ижемский коми*) может разделяться представителями этнографической группы, локальных сообществ либо не разделяться ими. То есть является общей характеристикой для носителей этнической и территориальной идентичностей. Эти идентичности исторически взаимосвязаны, зачастую «накладываются» друг на друга, однако не тождественны.

Также подчеркнем широкую распространенность этнонима *коми* как самоназвания в среде этнографической группы коми-ижемцев. По отношению к остальным группам коми народа ижемцами часто используется термин *зыряне* в качестве противопоставления. На территории Республики Коми определение *ижемцы* (или *изватас*) для них служит скорее номинацией локального свойства, то есть относится к проживающим на территории бассейна реки Ижмы (Ким и др. 2015: 85).

Собственно ижемская идентичность сочетает элементы территориальной и этнокультурной самобытности, не обладая при этом однозначностью восприятия. В разное время внешние вызовы могли способствовать активному позиционированию этой идентичности или вытеснять ее

в пользу идентичностей более общего порядка. В этом контексте уместно обозначить сообщество коми-ижемцев не как этнографическую группу, а как результат актуализации и поддержания ижемской идентичности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Опубликованные итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. (фактически 2021 г.)¹ подтверждают тенденцию, отмеченную ранее переписью 2010 г., — снижение численности группы коми-ижемцев. Однако если за период 2002–2010 гг. падение численности было кратным, то в следующем десятилетии темпы снижения замедлились.

Территориальные особенности дифференцируют влияние социокультурных, политических, экономических детерминант на демографические процессы, поэтому статистические данные были сгруппированы по территориальному принципу с учетом расселения коми-ижемцев в пределах Российской Федерации (табл. 1).

Территориальный уровень	2002 г.	2010 г.	2021 г.
I. Ижемский район	11 401	4 973	3 941
II. Республика Коми (без Ижемского района)	1 288	752	372
III. Российская Федерация (без Республики Коми)	2 918	695	435
Российская Федерация (в целом)	15 607	6 420	4 748

Табл. 1. Численность коми-ижемцев по данным всероссийских переписей населения, чел.

Table 1. The Izhma Komi population according to the Russian censuses, pers.

В качестве первой категории был определен Ижемский район Республики Коми, который можно назвать исконной территорией коми-ижемцев. В этом районе на 2021 г. проживало 83% всех представителей данной группы. Ко второй категории относится территория Республики Коми за пределами Ижемского района, где, с одной стороны, присутствуют исторические поселения ижемцев, с другой — снижена территориальная компонента ижемской идентичности. Третья категория отражает расселение группы по всей России вне Республики Коми — это преимущественно территории традиционного проживания этноареальных групп коми (Конаков, Котов 1991) в Мурманской области, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах.

¹ Далее в статье итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. будут приведены с датировкой, соответствующей фактическому периоду проведения основного этапа переписи — 2021 г.

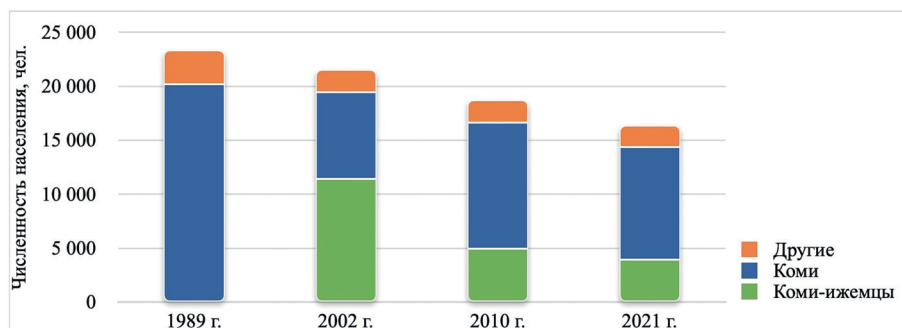

Рис. 1. Динамика этнической структуры Ижемского района (1989–2021)

Fig. 1. Dynamics of the Izhemsky district ethnic structure (1989–2021)

Из обозначенной структуры расселения выделим первую категорию, Ижемский район, и рассмотрим его этнический состав в динамике (рис. 1).

В ходе Всесоюзной переписи населения 1989 г. коми-ижемцы не выделялись в отдельную группу и учитывались как один из вариантов этнонима *коми*, поэтому результаты той переписи мы приводим в целях сравнения общей демографической динамики. Отметим видимые закономерности:

- 1) темпы снижения общей численности коми (включая коми-ижемцев) коррелируют с темпами снижения численности населения Ижемского района с незначительными отклонениями;
- 2) за период 1989–2021 гг. доля всех коми в этнической структуре района остается практически неизменной (в диапазоне 87–90%);
- 3) динамика совокупной численности районного населения имеет подобие нисходящей прямой, что свидетельствует о его равномерном сокращении.

На этом фоне выделяется скачкообразная динамика численности коми-ижемцев. Наивысшее значение этого показателя демонстрируют итоги переписи 2002 г., где данная группа в составе коми народа была обозначена впервые. Но уже перепись 2010 г. фиксирует резкое падение числа ижемцев и при этом столь же стремительное увеличение доли тех, кто идентифицировал себя как коми. К 2021 г. отрицательная динамика численности коми-ижемцев сохранялась, следуя обычному тренду депопуляции.

Характерно, что при значительном масштабе депопуляции в Ижемском районе за период 2002–2021 гг. (23,5%) доля русского населения увеличилась на 6%. Есть основания полагать, что тому способствовали ассимиляционные процессы — в первую очередь среди белорусов и украинцев, которых за указанный период стало меньше на 73 и 67% соответственно, а также среди молодежи коми, о чем свидетельствуют недавние исследования (Мордасов и др. 2023: 130).

Ижемский район исключителен как объект количественного анализа национального состава: доля неучтенных в этнической структуре за 2021 г. составила лишь 0,8% (в целом по Республике Коми — 22,5%, в России — 11,3%), в 2010 г. — 0,4%. Тем не менее у подобной «дисциплинированности» есть негативный прецедент. Мониторинг переписи 2010 г. выявил случаи ангажированного подхода при подготовке переписчиков, которым предписывалось рекомендовать сомневающимся респондентам «записываться коми, ибо от высокой доли коми “выиграет” вся республика» (Ким и др. 2015: 86). Подобные ненормативные и очевидно политизированные практики укладывались в логику агитации «Запишись коми», развернутой этноактивистами коми и официальными лицами накануне переписи 2010 г. в противовес призыву МОД «Изьватас» к ижемцам обозначить свою принадлежность как коми-ижемцы или изьватас (Движение «Изьватас»... 2010).

В масштабах Республики Коми подготовка и ход переписи 2021 г. вновь сопровождалась активизацией национального дискурса со стороны коми-этноактивистов. Но вряд ли можно говорить об успехе проведенной ими агитационной кампании, поскольку официальные данные засвидетельствовали существенное снижение численности коми (включая ижемцев) в республике за последний межпереписной период — с 202,3 тыс. до 127,1 тыс. чел. (на 37,2%). Конечно, эти цифры следует принимать с оговорками: только 77,5% населения Республики Коми указали национальную принадлежность, и на фоне региональной депопуляции с 901,2 тыс. до 737,9 тыс. чел.² за упомянутый период доля коми в этнической структуре (среди учтенных) изменилась ненамного — с 23,7 до 22,2%. Однако в структуре всего населения региона ситуация выглядит более тревожной: представительство коми сократилось с 22,5 до 17,7%.

В ходе последней переписи также имели место случаи некорректного учета национальной принадлежности, на этот раз в пользу категории *русские*: «...не спросили про национальность. Спросила сама. Они в ответ: вы же сказали “русский”. Я: вы спросили, какой язык родной? Они: ну и вот. <...> Они, оказывается, не задавая вопроса, вписали это и в национальность» (Переписали... 2021).

Анализ динамики национального состава в Республике Коми требует отдельного исследования и не входит в цели нашей работы. Мы можем сделать лишь некоторые предположения касательно сокращения количества коми с перспективой их экстраполяции на динамику численности группы коми-ижемцев.

Версия, что количественные изменения коми народа в региональном масштабе обусловлены только *естественной и миграционной убылью*

² По данным всероссийских переписей населения 2010 и 2021 гг.

населения, слабо коррелирует со статистикой. Миграция за пределы республики действительно велика — 103 тыс. чел. покинули регион в период 2010–2021 гг.³ Но данные переписей демонстрируют, что численность коми за пределами республики в этот же период не увеличилась, а наоборот — уменьшилась с 25,9 тыс. до 16,4 тыс. чел. Общая естественная убыль по региону за аналогичный период составила 5,4 тыс. чел.⁴, что также не объясняет темпы сокращения коми этноса.

Аргумент в пользу фактора ассимиляции имеет под собой основания, на что косвенно указывает специфика распространенности коми языка как родного. Между переписными кампаниями 2010 и 2021 гг. количество представителей коми народа, указавших коми язык родным, сократилось в регионе с 127 тыс. до 88,5 тыс. чел. Вместе с тем выросло число лиц с другой национальной принадлежностью, также отметивших коми язык в качестве родного, — с 2,7 тыс. до 3,5 тыс. чел. Эта статистика дает основания полагать, что смена этнической идентичности характерна не только для поколения, идущего от этнически смешанных браков, но и для лиц, выросших в этнически гомогенных семьях коми. Схожие выводы об ассимиляционных трендах были сделаны в исследовании (Фаузер 2022: 11), где отмечается динамика однонациональных браков среди коми (ниспадающая) и русских (восходящая).

Заслуживают внимания доводы, которые объясняют текущие этнодемографические тенденции в контексте свободного культурного выбора. В отличие от ассимиляции, предполагающей некоторую степень культурного давления, допускается ситуация, при которой «культурный диктат ослабевает и каждая личность все более свободно выбирает себе культурные ценности» (Шабаев 2013: 30). Безусловно, стремление отождествлять себя с крупным этносом, а также процессы реидентификации являются типичными практиками при выборе индивидом этнических ориентиров. Но все же представляется непростой задачей объективно разделить случаи культурного давления (особенно неявного, опосредованного) и свободного самоопределения в среде, где один из этносов существенно доминирует в количественном и культурном отношении.

Выдвинутые предположения нуждаются во всесторонней проработке, учитывающей локальную специфику демографических процессов в Республике Коми. Но вряд ли станет поспешным утверждение, что факторы, обуславливающие количественную динамику народа коми, также актуальны и для его самобытной части — коми-ижемцев, проживающих

³ Миграционная убыль в Республике Коми рассчитана автором на основе данных статистического сборника «Республика Коми в цифрах» за 2010–2021 гг. (<https://11.rosstat.gov.ru/statistical-compilation/document/67039>).

⁴ Естественная убыль в Республике Коми рассчитана автором на основе данных статистического сборника «Республика Коми в цифрах» за 2010–2021 гг. (<https://11.rosstat.gov.ru/statistical-compilation/document/67039>).

вне Ижемского района, где обыкновенно численное преобладание других народов.

Поскольку Республика Коми — регион с высоким уровнем урбанизации (77,5%), вопрос поддержания ижемской идентичности сопряжен с характером расселения ее носителей. Коми-ижемцы — пример сельского сообщества. И если в целом коми народ также представлен преимущественно сельским населением, то уровень урбанизации среди ижемцев крайне низок: в 2021 г. он составил 6,7% по Республике Коми и 8,5% по России. Мы делаем оговорку, что перепись 2021 г. выявила национальную принадлежность только у 71,5% городского населения региона и у 97,1% сельского. По России этот показатель — 86 и 96,7% соответственно. То есть имеется вероятность того, что часть коми-ижемцев в городских населенных пунктах была не учтена. Однако сравнение с переписью 2010 г., когда национальная принадлежность была установлена более основательно (среди 93,6% горожан в республике и 95,1% по России), демонстрирует, что степень урбанизации ижемцев и прежде находилась на низком уровне — 8,4% по региону и 10,6% по стране.

Поскольку Ижемский район состоит исключительно из сельских поселений, все городское население этой группы проживает за пределами данной административно-территориальной единицы. В Республике Коми вне Ижемского района большинство учтенных коми-ижемцев — горожане (в 2021 г. — 77,9%, в 2010 г. — 63,8%), которые проживают преимущественно в крупных городах региона (Сыктывкар, Ухта, Усинск). Впрочем, их количественное присутствие в этих городах чрезвычайно мало по сравнению с теми, кто идентифицирует себя как коми.

Столь невысокая доля горожан среди коми-ижемцев при соотношении с продолжительной демографической динамикой дает почву для размышлений относительно устойчивости ижемской идентичности как категории этнокультурного или территориального свойства за пределами традиционного ареала проживания. Ведь несмотря на развитие социальной инфраструктуры и диверсификацию экономики в советские годы, демографическая ситуация в Ижемском районе менялась соответственно вектору урбанизации: при естественном приросте населения миграционный отток из сельской местности являлся устойчивой тенденцией — общую убыль последовательно фиксируют несколько всесоюзных переписей населения. Отток продолжился и в постсоветские годы. Однако нет оснований утверждать, что в результате регулярных миграций за пределами районов традиционного проживания сформировались действительно крупные представительства коми-ижемцев.

Динамика численности коми-ижемцев на территориях их традиционного проживания за пределами Республики Коми (табл. 2) в целом демонстрирует отрицательную тенденцию. По состоянию на 2002 г. в четырех указанных субъектах Российской Федерации коми-ижемцами себя

Субъект Российской Федерации	Национальная принадлежность	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Мурманская область	коми-ижемцы	1 128	472	348
	коми	1 049	1 177	826
Ненецкий автономный округ	коми-ижемцы	1	1	11
	коми	4 509	3 622	2 420
Ямало-Ненецкий автономный округ	коми-ижемцы	1 002	108	21
	коми	5 175	5 033	3 469
Ханты-Мансийский автономный округ	коми-ижемцы	740	50	4
	коми	2 341	2 314	1 554

Табл. 2. Численность коми-ижемцев и коми на территориях традиционного проживания за пределами Республики Коми (по данным всероссийских переписей населения), чел.

Table 2. The population of the Izhma Komi and the Komi on the territories of their traditional residence outside the Komi Republic (according to the Russian censuses), pers.

идентифицировали 2871 человек, но в 2021 г. в тех же административных границах переписью учтено всего 384 представителя этой группы.

Резонно привести статистику о доле населения, не указавшего свою национальную принадлежность в 2021 г. В представленных регионах этот показатель следующий: Мурманская область — 14,2%, Ненецкий автономный округ — 9,7%, Ханты-Мансийский автономный округ — 26,1%, Ямало-Ненецкий автономный округ — 21,1%.

Приведенные цифры внушительны и, без сомнения, искажают общую структуру. Однако падение численности коми-ижемцев в этих регионах недостаточно объяснить возможным недоучетом, как и общими демографическими факторами. Важно иметь в виду исторический аспект самоидентификации тех, кто может считать себя потомками ижемских поселенцев.

На Кольском полуострове среди носителей коми-ижемских этнокультурных традиций самоназвание *ижемцы/изъватас* было актуальным и в 1980-е гг., тогда как в Зауралье использовался этноним *зыряне* (Конаков, Котов 1991: 168). Опираясь на современные исследования, мы можем подтвердить, что идентичность указанных сообществ носит сложносоставной характер. Коми-ижемцы Кольского полуострова, подчеркивая свою культурную самобытность, не отделяют себя от коми народа (Данилова 2023: 124). Среди зауральских коми-ижемцев по-прежнему распространено самоопределение «Мы зыряне, изъватас, а не коми» (Чувьуров 2017: 137), что весьма сложно отразить статистически, поскольку категория *зыряне* в рамках переписи населения является вариантом национальной принадлежности *коми*, а *изъватас* — вариантом выделенной подгруппы *коми-ижемцы*.

Исторические особенности формирования этноареальных групп, как и отсутствие четкого разделения этнической и территориальной идентичностей их представителями, допускают подход, при котором численность коми-ижемцев как этнографической группы целесообразно рассматривать в связке с численностью тех, кто указывает в качестве своей национальной принадлежности *коми*. Но количественная динамика категории *коми-ижемцы* в отдельности — это индикатор актуализации ижемской идентичности.

Касательно коми-ижемцев, которые заняты традиционной хозяйственной деятельностью в районах взаимодействия с коренными малочисленными народами, мы не исключаем смену идентичности по экономическим обстоятельствам. Как было отмечено, в числе мотивов для получения коми-ижемцами статуса КМНС было стремление добиться равных экономических условий с соседями, уже имеющими такой статус. То, что это не удалось сделать даже за столь продолжительный период, ставит под вопрос само существование ижемских хозяйств. Поэтому отказ некоторой части коми-ижемцев от своей идентичности, пусть и номинальный, в качестве приобщения к одному из соседствующих КМНС (ненцы, саамы, ханты) для получения полагающихся преференций имеет под собой логические основания. Тем более что за рассматриваемый период увеличилась численность большинства КМНС, обладающих соответствующими патерналистскими льготами.

ВЫВОДЫ

За время статистического учета с 2002 г. численность коми-ижемцев к 2021 г. достигла своего минимального значения. Тенденция к количественному сокращению данной группы не преодолена (хотя и замедлилась в сравнении с периодом 2002–2010 гг.). Несомненно, движению населения способствуют факторы, традиционные для сельской местности на Севере: экономический упадок, миграционный отток, естественная убыль.

Стоит упомянуть и специфические факторы, занижающие численность коми-ижемцев. Среди таковых — некорректный статистический учет, вызванный недостаточным охватом населения, что в рамках последней переписной кампании проявилось в широком использовании данных из административных источников (Андреев, Чурилова 2023). Также к числу слабых сторон учета можно отнести уже отмеченные прецеденты 2010 и 2021 гг., свидетельствующие о нарушении переписчиками официальных предписаний в части сбора сведений о национальной принадлежности. Такие нарушения могли быть обусловлены как недостаточной подготовкой самих переписчиков, так и их пристрастным подходом в интересах политических групп.

Конечно, нельзя утверждать, что подобная практика была распространена повсеместно, однако политизация темы этнического самоопределения в ходе переписи дает основания рассматривать их как пример влияния политического контекста.

Количественная динамика коми-ижемцев примечательна тем, что не может быть объяснена лишь статистическими показателями движения населения или неточностями подсчета. Исходя из формулировки объекта исследования и обсуждения результатов, логично констатировать, что падение численности коми-ижемцев в значительной степени сопряжено с кризисом ижемской идентичности. Эта проблематика выводит на передний план специфику самоопределения представителей сообщества.

Ижемцы, или *изъватас*, — сложный, противоречивый, иногда неявный пример коллективной идентичности, и было бы упущением давать комментарии к вопросу самоопределения коми-ижемцев исключительно в свете их этничности, поскольку данная форма идентификации заключает в себе ярко выраженную территориальную компоненту. Тем более что формированию этнографической группы исторически предшествовало возникновение именно территориальной общности.

В этом аспекте показателен материал, описывающий попытки этнизации ижемской территориальной идентичности. Анализируя тот ограниченный успех, которого удалось достичь активистам на очередной волне актуализации этнической повестки, исследователи пришли к выводу (Шабаев, Истомин 2017: 110–111), что в числе причин, препятствующих формированию устойчивой этнической идентичности, может быть неоднозначность самого термина *ижемцы/изъватас*.

Будучи в одном из своих значений катойконимом, он имеет определенную географическую привязку — бассейн реки Ижма или Ижемский район. Поэтому многие из тех, кто в этнокультурном плане могли идентифицировать себя как ижемцы, но проживают за пределами этой местности, отказывались от данного именованя в пользу общеупотребимого этнонима коми. В самом Ижемском районе термин ижемец воспринимается как принадлежность к территориальному сообществу значительно чаще, чем к этническому (Мордасов и др. 2023: 130).

На территориальность ижемской идентичности указывает и тот факт, что на фоне снижения общей численности коми-ижемцев перепись 2021 г. фиксирует все более выраженную локализацию группы в пределах Ижемского района. В вышеупомянутом исследовании отмечалась определяющая роль границ в процессе формирования сообществ, и отсутствие административных границ у ижемской общности было обозначено в качестве вероятного фактора, препятствующего этнизации (Шабаев, Истомин 2017: 111). Не отрицая в целом такого предположения, все же следует уточнить: Ижемский район — это административно-территориальная единица, в границах

которой реализуются полномочия местных органов власти. Конечно, автономность местного самоуправления весьма условна, однако эта территория обладает четкими контурами. И, по всей видимости, данная граница сегодня влияет на институционализацию ижемской идентичности.

Вариативность восприятия ижемской идентичности как категории этнокультурного либо географического свойства ставит вопрос о реальных детерминантах, консолидирующих местное сообщество. Не является открытием идея обособления (но не взаимоисключения) понятий этнической и территориальной (региональной) идентичности, которые имеют конкурентный или даже антагонистический характер их сосуществования (Смирнягин 2007: 34). Поэтому мы полагаем, что кризис ижемской идентичности обуславливает то, как по мере снижения влияния, которое оказывал этнический аспект на самоопределение ижмцев, возрастает роль пространственного фактора, способствующего осознанию себя в первую очередь как особого территориального сообщества. Сложившаяся на этом основании территориальная идентичность имеет перспективы стать инструментом гражданской мобилизации, для чего потребуются если не четкая делимитация (что в случае с ментальными категориями весьма трудно), то по крайней мере ряд таксономических уточнений.

Выдвинем предположение, что сильная локальная идентичность, свойственная территориально разрозненным сообществам ижмцев, под воздействием экономических, политических или социокультурных вызовов способна стать стимулом к самоорганизации на ином, более высоком уровне пространственной иерархии. В структуре территориальной идентичности над локальным выделяют региональный уровень, но единого мнения насчет его относительных границ и сопоставимости с административно-территориальным делением по-прежнему нет. Как правило, локальный уровень соотносится с местом непосредственного проживания (город, село, микрорайон), а региональный — с крупными регионами (край, область, республика) (Стрелецкий 2021: 65–66).

Потенциальные границы ижемского сообщества, очевидно, не будут совпадать с фактическими границами Ижемского района Республики Коми хотя бы по тем причинам, что бассейн реки Ижмы и ареал ижемских культурных традиций не локализованы в пределах лишь этого района. Поэтому в данном случае уместно обратиться к такому элементу территориальной структуры, как *субрегион*, и на его основе ввести в оборот соответствующую категорию территориальной идентичности — *субрегиональную идентичность*. Заметим, что в научном дискурсе этот термин применялся и раньше, однако с разными оттенками значения. Предлагаемая нами категория характеризует ижемскую идентичность в территориальном аспекте и в пространственной иерархии занимает

промежуточное положение между локальным и региональным уровнями. Именно наличие многоступенчатой идентичности среди ижемского сообщества как в территориальном, так и в этнокультурном контекстах выступает доводом в пользу подобной стратификации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев Е. М., Чурилова Е. В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 3. С. 4–20.

Данилова Е. Н. Этнокультурное наследие изъватас: современное осмысление и перспектива актуализации // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 120–138.

Движение «Изъватас» призывает ижемцев назвать свою истинную национальность во время переписи // БНК: информационное агентство. 2010. 2 сент. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/5693/> (дата обращения: 10.08.2023).

Жеребцов И. Л. Из истории расселения ижемских коми по Ижмо-Печорскому краю // Материалы к Коми республиканскому семинару «Изъватаслӧн культура: Традицияяс. Ӧнія кад да аския лун» (Ижма, 5 июля 2007 г.). Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. 20 с.

Ким Х. Ч., Шабаев Ю. П., Истомин К. В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижмцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 85–92.

Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 228 с.

Лащук Л. П. Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972. 292 с.

Мордасов М. А., Смирнова А. А., Влахов А. В. Коми свой, коми другой: идентичности коми-ижмцев через языковые идеологии // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 125–142.

Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Сыктывкар: Коми республиканское управление статистики, 1990. С. 10–21.

Национальный состав населения, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Республика Коми. Сыктывкар: Комистат, 2005. Ч. 2. 257 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. URL: www.perepis2002.ru/index.html?id=12 (дата обращения: 05.08.2023).

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Т. 3. URL: <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2010> (дата обращения: 05.08.2023).

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 05.08.2023).

Национальный состав и владение языками. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Республика Коми. Т. 5. URL: <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 05.08.2023).

Национальный состав и владение языками. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 05.08.2023).

Переписали для галочки: в Сыктывкаре масштабный «перерасчет» населения вызывает больше вопросов, чем ответов // Комсомольская правда. 2021. 2 нояб. URL: <https://www.komi.kp.ru/daily/28350/4498477/> (дата обращения: 08.08.2023).

Республика Коми в цифрах: краткий статистический сборник. URL: <https://11.rosstat.gov.ru/statistical-compilation/document/67039> (дата обращения: 01.08.2023).

Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран / отв. ред. А. С. Фетисов, И. С. Иванова, И. М. Кузина. Смоленск: Ойкумена, 2007. Вып. 17. С. 21–49.

Стрелецкий В. Н. Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков // Региональные исследования. 2021. № 3 (73). С. 62–75.

Теребихин Н. М., Шабаетов Ю. П. Чудь, поморы и коми-ижемцы: реидентификация или конструирование идентичностей (этногенетические технологии на Европейском Севере) // Европейский Север: локальные группы и этнические границы. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71). С. 29–59.

Устав Межрегионального общественного движения коми-ижемцев «Изьватас». URL: www.m-iz.ru/doki/ustav_izvatas.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

Фаузер В. В. Факторы и последствия изменений этнической структуры населения Республики Коми // Human Progress. 2022. Т. 8. № 2. С. 1–13.

Чувьуров А. А. Самоидентификация коми-ижемцев Зауралья (по материалам экспедиции 2017 г.) // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России): материалы Шестнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений, Санкт-Петербург, 5–14 декабря 2017 г. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2017. С. 136–142.

Чувьуров А. А. Конструирование этнокультурной идентичности у локальных групп коми-зырян // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: материалы Девятнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений, Санкт-Петербург, 1–3 декабря 2020 г. СПб.: Российский этнографический музей, 2020. С. 32–38.

Шабаетов Ю. П. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? // Социологические исследования. 2013. № 3 (347). С. 28–36.

Шабаетов Ю. П., Дронова Т. И., Шаранов В. Э. Коми-ижемцы, поморы и устьилены: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134–150.

Шабаетов Ю. П., Истомин К. В. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изьватас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 99–114.

REFERENCES

- Andreev E. M., Churilova E. V. [The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2023, vol. 10, no. 3, pp. 4–20. (In Russian).
- Chuvjurov A. A. [Constructing ethnocultural identity among local groups of the Komi-Zyryans]. *Etnokul'turnaya identichnost': fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii 19–21 vekov* [Ethnocultural identity: phenomenology and variability in the contexts of the history of the 19th–20th centuries]. St. Petersburg: REM Publ., 2020, pp. 32–38. (In Russian).
- Chuvjurov A. A. [The self-identity of the Izhma Komi in the Trans-Urals (based on the field materials of expedition to the Ob river in 2017)]. *Etnokul'turnye protsessy v mnogonatsional'nom gosudarstve* [Ethnocultural processes in a multinational state]. St. Petersburg: SPbSUITD Publ., 2017, pp. 136–142. (In Russian).
- Danilova E. N. [Ethnocultural heritage of the Izvatas: contemporary understanding and actualization perspective]. *Etnografya*, 2023, no. 1 (19), pp. 120–138. (In Russian).
- Fauzer V. V. [Factors and consequences of changes in the ethnic population structure in the Komi Republic]. *Human Progress*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 1–13. (In Russian).
- Kim H. Ch., Shabaev Yu. P., Istomin K. V. [Local group in search of identity (Komi-Izhemtsy: dynamics of cultural transformations)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2015, no. 8, pp. 85–92. (In Russian).
- Konakov N. D., Kotov O. V. *Etnoareal'nye gruppy komi: formirovanie i sovremennoe etnokul'turnoe sostoyanie* [Ethnoareal groups of the Komi: formation and current ethnocultural situation]. Moscow: Nauka Publ., 1991. (In Russian).
- Lashuk L. P. *Formirovanie narodnosti Komi* [Formation of the Komi ethnicity]. Moscow: MSU Publ., 1972. (In Russian).
- Mordasov M. A., Smirnova A. A., Vlahov A. V. [Our Komi, their Komi: Izhma Komi identities through language ideologies]. *Etnografya*, 2023, no. 3 (21), pp. 125–142. (In Russian).
- Shabaev Yu. P. [Cultural apocalypses or civic cohesion]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2013, no. 3 (347), pp. 28–36. (In Russian).
- Shabaev Yu. P., Dronova T. I., Sharapov V. E. [The Izhma Komi, Pomor, and Ust-Tsilema: patterns of cultural transformations]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2010, no. 5, pp. 134–150. (In Russian).
- Shabaev Yu. P., Istomin K. V. [Territoriality, ethnicity, and administrative and cultural borders: Komi-Izhemtsy (Izvatas) and Komi-Permyak as the “other” Komi]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2017, no. 4, pp. 99–114. (In Russian).
- Smirnyagin L. V. [Concerning regional identity]. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran* [Questions of economic and political geography of foreign countries.]. Moscow, Smolensk: Ojkumena Publ., 2007, iss. 17, pp. 21–49. (In Russian).
- Streletsky V. N. [Territorial identity as a subject of foreign geography in late 20th century and the first decades of 21st century]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional research], 2021, no. 3 (73), pp. 62–75. (In Russian).
- Terebihin N. M., Shabaev Yu. P. [Chud, Pomors and Komiizhems: re-identification or construction of identities (ethnogenetic technologies in the European North)]. *Evropejskij Sever:*

lokal'nye gruppy i etnicheskie granicy [European North: local groups and ethnic boundaries], 2012, no. 71, pp. 29–59. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [From the history of the Izhma Komi resettlement in the Izhmo-Pechora region]. *Materialy k Komi respublikanskomu seminaru "Изьватаслӧн культура: Традицияс. Ӧнія кад да аскиа лун"* [Materials for the Komi Republican seminar "Изьватаслӧн культура: Традицияс. Ӧнія кад да аскиа лун"]. Syktyvkar: Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTS UrO RAN Publ., 2007, pp. 1–20. (In Russian).

Submitted: 21.08.2023

Accepted: 30.11.2023

Article published: 01.07.2024